

Рассматривая поэзию начала XXI века, еще непонятную, находящуюся в исканиях, пытающуюся отразить свое время и при этом далекую от бурных литературных течений, направлений и поисков века минувшего, где было изобилие подходов, стилей, методов, мы пришли к выводу, что все эти течения и направления так или иначе сводятся к двум основным ветвям русской литературы — *консервативно-охранительной* или, говоря словами Ф. М. Достоевского, *почвеннической* и иной, противоположной ей — *либерально-раскачивающей* все еще могучую лодью Великой Русской Литературы. Художественные искания, безусловно, дело хорошее и нужное, но нам милее и отраднее традиция, обычай, призванные сберечь то, что искони было завещано нам предками и столпами поэтического слова.

По этой причине в центре нашего внимания — творчество поэтов-почвенников, которых, к счастью, очень много в современной литературе, но которые по многим причинам остаются в тени. Либеральная критика их не жалуется, журналы обходят их вниманием, а издательства ныне, как известно, либо процветают, находясь во власти золотого тельца, либо выживают каким-то чудом, служа высокому. Но именно эти поэты радеют за судьбу Отечества не показательно-декларативно, а всем своим русским сердцем. О них речь в книге «Русские поэты-почвенники XX — начала XXI вв.». Среди этих поэтов — Вячеслав Богданов, Алексей Еранцев, Владимир Курбатов, Владимир Носков, Евгений Рудаков-Рудак, Алексей Селичкин, Сергей Семяников, Валентин Сорокин, Геннадий Суздальев, Валентин Чистяков, Владимир Чурилин, а также Ольга Балакина, Салисэ Гараева, Лидия Дедова, Надежда Емельянова,

Юрий Зыков, Вера Киселева, Ирина Кияшко, Геннадий Комаров, Татьяна Кузнецова, Валентин Легкобит, Наталья Рябина, Валерий Савельев, Виталий Савченков, Валентина Сляднева, Виктор Смагин, Станислав Слепенков, Светлана Соложенкина и др. Сегодня наше повествование о калужском поэте Алексее Селичкине.

«Мы не имеем права жить незряче...»

Поэт обостренно гражданского чувства

Алексей Селичкин, безусловно, поэт «почвенного» направления, и не потому, что в его лирике встречаются традиционные приметы «деревенской» России («Здесь прежде...», «Подгнивший угол», «Завалинка», «На родине», «Я за спиной оставляю автостраду...» и др.), а в самом отношении к миру, людям, природе, судьбе страны, ведь он здесь не гость, не иностранец, он здесь — исконный житель, хозяин, автохтон. Дело — в позиции поэта, и можно с определенностью сказать, что А. П. Селичкин — поэт обостренного гражданского чувства. Все это четко обозначено в его книге «Век и судьба», вышедшей в Калуге в 2015 году.

Он смотрит на происходящие события не отстраненно, а словно изнутри, он пытается понять, что происходит со страной, все ли в ней ладно, куда она движется и какая беда случилась с ней в мирные, казалось бы, дни, ведь Россия сегодня претерпевает серьезные изменения. Он не приемлет так называемые демократические перемены, начавшиеся в 1991 году после распада Советского Союза и продолжающиеся ныне. И не потому, что он жаждет возвращения советского строя, а потому, что видит тотальное наступление на русскую историю и культуру, попрание и унижение отечественных ценностей, угасание русской деревни, обескровливание русского народа. Это не голословные утверждения, в его поэтическом пространстве появляются характерные образы: «большое поле, некошеное ни разу», «мир, горький от осота», «разворованная страна», а самое страшное — бедность одних и «многосумье» других.

Причину этой беды он видит отчетливо, это «революций кровавое средство», от которого никак не может отойти и опомниться великая Россия («Не считал я потерянных дней...»). И те давние события отзываются в нынешних днях, что «в либеральной оправе» — распадом советской страны после Беловежских соглашений, грабежом под видом приватизации и новой разрухой под видом закрытия предприятий, и появлением «пятой колонны», которая, собственно, никогда и не исчезала, но ныне лишь ярко себя обозначила. Это о них, этих людях говорит поэт: «Они не в силах ни одной минуты / задуматься — чья их вскормила мать» [3, с. 20]. Об этой «пятой колонне» однозначно сказал и Президент России Владимир Путин в своем послании Федеральному Собранию, комментируя санкции, введенные странами Запада против нашей страны: «Западные политики страшат нас не только санкциями, но и обострением внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны разного рода национал-предателей или рассчитывают ухудшить социально-экономическое положение в России и тем самым спровоцировать недовольство людей?» [1].

Говоря о подобной категории людей, *мотив вранья и воровства* становится у поэта лейтмотивным: «воровать, воровать, / умножать многосумье» [3, с. 16]; «война... борьба... ворье и воронье...» [3, с. 21]; «вранья, ворья крутой мастак» [3, с. 45]; «Что будто нет ничьей вины / и вор никем не узнаваем» [3, с. 80]. Та же тема отражена в стихотворениях «Выборы», «Не дай-то Бог...» и др.

Давно и общепризнано: поэт — всегда оппозиционер, так было всегда, во все времена (хотя в данном случае позиция поэта совпадает с государственной точкой зрения и президентским мнением). Объясняется это не только неравнодушием, обостренностью чувствования и болью за судьбу Отечества, но и тем особым виде-

нием, что присуще поэтам — это духовное видение, зоркость души. У Алексея Селичкина эта зоркость есть, его гражданская позиция вполне определена: «Мы не имеем права жить незряче...» Потому он мучительно переживает происходящее: «Предвыборной оскомы блуд / переполняет жизни чашу, / что пьет измученный народ / который год...» [3, с. 22].

Гражданская лирика А. П. Селичкина приобретает порою острую публицистичность, ведь он пишет «об исторической правде» и «истерической лжи», «системе распродаж и развлекалок», с некоторых пор воцарившихся в родной стране. Эта тема так или иначе находит воплощение в стихотворениях «Я помню...», «Все дышит западною злобой...», «Век безоглядный...» и др. Его одолевают сомнения, «кто там левый, кто здесь правый...», ясно одно — «ржа разъела сердце», а родная Отчизна «подарила суму» — благодарность за годы, полные труда... Но Отчизна ли это «подарила» или те, кто у руля и в «пятой колонне»?

Новая реальность с рыночными отношениями, распространившимися и на мораль человека, не устраивает поэта, ему с ней неуютно, тяжело, он оскорблен за попираемые традиции и нравы, поруганные святыни. При этом — «Куда ни взгляни — / все холеные лица / попадают в эфир, / не в тюрьму» [3, с. 59]. Как ни обидно, в России всегда были и другие люди — те, которые «ушли из юдоли земной, не засеявши поле». При этом в России всегда были и есть те, для которых судьба Родины дороже всех благ мира.

Есть ли надежда, что мир изменится к лучшему? Поэт поначалу осторожно высказывает эту надежду: «Крепитесь — смена декораций / придет в свой час...» [3, с. 45].

«В толкотне мирских дорог...»

Тема города и деревни

Будучи исконно сельским жителем, но «в толкотне мирских дорог» давно связавший свою жизнь с городом, поэт Алексей Селичкин вобрал в себя «двоеверие» — он и с городом и деревней одновременно, а может быть, и одновременно. Оказывается, так тоже бывает. Есть поэты, которые не могли примирить в себе город и деревню (С. А. Есенин); есть поэты, которые предпочли городскую эстетику (В. Я. Брюсов, А. Белый); есть поэты, которые могут органично воспринимать жизнь города и деревни (Г. М. Суздальев); а есть поэты, которые просто существуют в двух стихиях сразу, вернее, сосуществуют в них в одно и то же время — таков А. П. Селичкин.

Он, почти всю жизнь проживший в городе (долгие годы работая атомщиком в Челябинске, сейчас живет в Калуге), при этом словно никогда и не покидал родной Жиздры. Но при этом жизнь села он видит глазами зоркого хозяина, от которого не укроется ни одна деталь или мелочь. Картины заброшенных русских сел, исчезающих с лица земли многочисленных деревень больно отзываются в его сердце: «Бурьян буянит у окна...» Да и сам сельский пейзаж и мир русской деревни полон далеко не мажорных эпитетов: «заросшая дорога», «некошеное поле», «стылый снег», «тусклые половицы». Однако никаких отрицательных слов в адрес города в его стихах нет и не может быть, такова его поэтическая судьба — соединять в своей лирике два одинаково важных начала.

Природные «угодья» Алексея Селичкина

Картины природы

Его одушевленная природа часто взывает человека к совести: «шумят о земном деревья» [3, с. 4], «бурьяну — год какой дорога снится...», «мир, горький от осота», «здесь не нашла уюта тля...» [3, с. 5] и т. д. Но его природа может и просто радовать глаз:

И поутру, и ввечеру

на ветках яблоней в саду

Но чаще природа А. П. Селичкина психологична и отражает сложные душевные состояния его лирического героя, как, например, в стихотворении «Межсезонье», которое, на наш взгляд, оригинально и замечательно как по форме (использованы терцеты), так и по содержанию, ведь здесь нашлось место не только «слякотности ноябрьской», но и готовности к новой жизни. Рассмотрим его более подробно, вот первая строфа: «Сырая и промозглая пора. / С чего-то все не ладится с утра. / Порв́ала рот зевота» [3, с. 28]. Далее настроение героя не меняется, его удрученность как будто лишь усиливается: «И сырость поселилась в шалаше, / И слякотность ноябрьская в душе: / проснешься — спать охота...» [Там же]. Казалось бы, этому угнетенному настроению нет и не будет конца, и впереди долгие дни этой «промозглости», однако герой (как хороший сельский хозяин) лишь внимательно оглядывает все вокруг и подводит итоги:

*Очерчен жизни смысл — придет зима,
проверит — утеплит ли закрома,
снега пошлет в угодьѧ* [Там же].

Согласимся, перед нами вырисовывается облик тороватого хозяина, у которого налажен быт, все крепко и надежно, не случайно прозвучало здесь слово «закрома», и есть полная уверенность в том, что межсезонье это закончится, и не просто закончится, а сменится морозно-ядреной русской зимой, которую встретить не страшно — и потому, что закрома полны, и потому, что... весна не за горами. Последняя строфа стихотворения поражает своим оптимистичным содержанием:

*А там под стьлым снегом, мать честна,
уже вовсю готовится весна
грызет и рвет поводья* [Там же].

На наш взгляд, это одно из лучших стихотворений в сборнике Алексея Селичкина. Более того, в нем ярко отразилась национальная черта характера — природный, генетический оптимизм и присущее русскому человеку жизнелюбие. Обратим внимание, что даже в это слякотное, стьлое и неуютное межсезонье лирический герой, лишь на время отдавшись грустным размышлениям, думает о весне, жизни и предстоящих радостях.

Тем же настроением отмечено и стихотворение «Февральский снег», где февральский снег поэту неожиданно напоминает весну, что отразилось даже в его бодром и каком-то стремительно-освежающем ритме. И хотя в «угодьях» Алексея Селичкина еще царит зима, но она не вечна и не безнадежна:

*Февральский снег.
Сугробы здесь и там.
Февральский свет.
Молчат, уснув, угодьѧ.*

*Февральский снег...
Полисага до весны
и поводья* [3, с. 35].

Обращает на себя внимание *композиция сборника*, первая часть называется «Забытые края», вторая — «Зловещее эхо Чернобыля», третья — «Хорошо бы позабыть»

ся...», названия первой и третьей частей явно перекликаются, думал ли об этом автор или это получилось спонтанно и как будто неосознанно? Если в начале книги перед читателем встают образы малой родины (в Калужской области), ныне переживающей далеко не лучшие времена, и потому название «Забытые края» понятно, обоснованно и объяснимо. Но чем руководствовался поэт, высказывая желание в последней части «позабыться»? Для того чтобы это понять, следует окунуться в стихию авторской поэтической речи.

Стихотворение «Чужие небеса» несколько приоткрывает суть: дело в том, что на родине поэта наступили странные времена, когда на каждом шагу звучат «чужие голоса и рядом, и вокруг». И это в родном краю, на земле, «что послал родителям Господь». Более того, ему «навязчиво твердят» о том, что он «не толерантен», видимо, на том лишь основании, что поэту милее всего родные голоса и родное небо. И свойственно желание видеть свою землю процветающей и сохранившей свою национальную самобытность.

В другом стихотворении «Не про меня...» он просит прощения у поколения отцов и матерей:

*Простите нас, что мы не извлекли
уроков из навязанных пороков... [3, с. 112].*

Какие это пороки, становится ясно из стихотворения «На родине». Сюжетная канва проста: лирический герой возвращается на свою малую родину, и что он видит?

*Здесь то же небо, воздух и вода.
И ровный свет на тусклых половицах.
И прежний Бог, лампадка и божница.
Как много лет не ездил я сюда!?*

*Поклон тебе, крестьянский мой исток!
Бревенчатые рубленные стены.
Вы сдюжили крутые перемены,
безвременье обило ваш порог [3, с. 116].*

Горькие чувства рождают и горькие строки:

*Истерзанная родина моя!
Забытая, простившая обитель.
Тебя не славят в бронзе и граните
сгоревшие от водки сыновья [Там же].*

Значит, *не забытья* желает лирический герой, а *передышки*, хотя бы короткого отдыха — и самому себе, и своей Родине, и своему народу. И словно подтверждение этому мы находим в стихотворении: «Хорошо бы позабыться, / *отдохнуть* в тенистой роще, / и напиться из ручья...» [3, с. 87]. И еще он мечтает о жизни «без ухабов, без трагических разломов», где бы его окружали лишь близкие люди, друзья и родные, а не чужие голоса.

Но куда вокруг «бездорожье», он «не вправе все забыть». Таким образом, это лишь в очередной раз высказанная гражданская позиция поэта, обозначенная им буквально с первых строк сборника и в разных формах находящая свое художественное воплощение.

«Беспощадное знамение» Чернобыля

Поэзия атомщика

Большой раздел книги «Век и судьба» имеет подзаголовок «Зловещее эхо Чернобыля», где собраны остро публицистические стихи, и здесь не только стихотворения на тему Чернобыля, это скорее лирика инженера-атомщика, хорошо знающего, что такое «оружейный плутоний». А. П. Селичкин не был в Чернобыле, но зато он много лет проработал ведущим инженером на объектах Министерства атомной энергетики и Министерства обороны, как он сам говорит, «расщеплял атом» и «обогащал своей стране плутоний», в силу чего эта сторона жизни ему не просто хорошо знакома, он был в этом «пекле» и знает о ней не понаслышке. И потому чернобыльскую трагедию и трагедию с подводной лодкой «Курск», и катастрофу Фукусимы он воспринял как «черную боль» и «беспощадное знамение». Его позиция заявлена сразу в стихотворении «Это я...»:

*Это я над четвертым Чернобыльским блоком
легкой дымкой истаяв, взлетел.*

*Это я обожжен откровением Блока
в этой жизни немного успел [3, с. 48].*

При этом профессиональный подход позволяет ему взглянуть на атом с разных сторон — он может быть военным и мирным, опасным и полезным, он может убивать, но может и спасать страну, будучи ее защитным щитом от новой военной угрозы. В стихотворении «Зонтики ядерные» поэт, имея в виду натовскую военщину, говорит: «И только ядерные / зонтики России сегодня / сдерживают их» [3, с. 49].

Поэт воспринимает эти беды (с Чернобылем и Фукусимой) как отмщение самой природы или «планеты обезумевшей» за бездумно жестокое отношение к ней; для него «пустыня радиации» осмысленно подробно и наполнена не абстрактным ужасом, а вполне конкретной действительностью:

*И я горбатил много лет подряд,
хранил секреты каждой новой тонны,
не кланчил званий, грамот и наград,
обогащал своей стране плутоний [3, с. 56].*

Это строки из одного из самых пронзительных стихотворений этого цикла «Где вы теперь?»:

*Живу. Дышу. Слагаю письма.
И вас усмешкой легкой вспоминаю.
Другою стала жизнь, другой — страна.
Я — стихотворный ряд обогащая [3, с. 56].*

Не менее драматичны стихотворения «Ночь апрельская канула в Припяти...», «Знак беды», ведь «черной болью Чернобыля / скулы свело» [3, с. 60].

«Жизнь — как речка детства...»

Вечные вопросы

Вечные вопросы жизни и смерти, ее сути, окончания пути встают перед любым поэтом, рано или поздно, поскольку мыслящая душа не может довольствоваться только материально-земными благами. «Увы, земной удел не вечен...», — сокрушается поэт. В минуты же нездоровья (своего или близких) они встают перед человеком в полный рост: «А дальше что?» [3, с. 43]. Тот же вопрос задают себе миллионы лю-

дей; он мучил и шекспировского Гамлета, его последние слова, по сути, представляются собой безальтернативный ответ на него: «Дальше — тишина...» Алексей Селичкин печально итожит: «А что еще? — врачи не виноваты. / Над холмиком земли всего две даты» [3, с. 43].

Душа поэта многолика, многогранна, она и вместилище пережитого, и «терзаемая презреньем», и «выполняющая вселенскую работу», и говорящая «восторженно с Творцом», она глубокая и наполненная жизнью, ведь он понимает, что «жизнь не терпит тленья», что радость бытия все равно возьмет свое. Однако мудрость лет заставляет пристальнее всмотреться в пережитое и в самого себя, расставить нужные акценты, и потому он ищет понимания, сочувствия, сопереживания («Где ты, брат? Тебя мне не хватает, / а меня, наверное, тебе...»). Иногда ему становится грустно и одиноко («У какого костра обогреться?»). И вся жизнь перед ним открыта, она «как речка детства — вся видна...» [3, с. 43]. Он так и живет на свете — открыто и щедро, как и подобает русскому человеку.

«Ищу глаголы утешения...»

Вопросы творчества

Встают перед поэтом и творческие вопросы, и его стихотворчество — это результат «созревшей души», которая «хочет говорить» и говорит — откровенно, горячо, иногда полемично. Поэтические реминисценции и параллели вызывают образы Ивана Бунина («Окаянные дни»), Гарсиа Лорки («У лунного водопоя»), Афанасия Фета («Звезда»), Бориса Пастернака («Пора бы, брат...»), Сильвы Капутикян («Душа бессмертием богата...», «И в своей земле...», «Ночь легла на порог...»).

Есть у Алексея Селичкина стихи, посвященные своим друзьям по литературному «цеху» или навеянные их строками, среди них — В. В. Сорокин («Когда раздумья душу беспокоят...»), А. Бывшев («Мы еще посмотрим...»), Е. В. Рудаков-Рудак («Век и судьба», «Увы, земной удел не вечен...»), В. Н. Суховский («К юбилею В. Суховского»), а также однокурсник А. П. Селичкина по литературному институту В. И. Чурилин, что «очень рано устал». Но и эти стихотворения несут в себе не только элементы элегической грусти, но и гражданский смысл и отражают позицию поэта — такова его органика, и с этим ничего нельзя поделать. Не зря же писал Сергей Есенин о том, как важно каждому поэту иметь индивидуальный голос, «петь по-свойски, даже как лягушка» [2, с. 288]. Своим голосом «поет» и Алексей Селичкин, оттого его стихи почти всегда имеют социальную направленность. Он и сам это понимает и потому признается: «А то, что наша жизнь не хлебосольна, / мы не меняем Родины своей» [3, с. 101].

Что касается его взгляда на собственную литературную деятельность, то и на нее он смотрит как на долг перед отчизной, возможно, точно такой же, какой он исполнял, работая атомщиком. Об этом говорят его строки из стихотворении «Знак беды»: «Поэзией судьба облучена / и жестким гамма-излучением. / Гудит в крови реакторное эхо — / Я был рабочим атомного цеха» [3, с. 61]. Таким образом, он действительно сегодня «обогащает» стихотворный ряд современной русской поэзии.

Всевидящее око Века,

или Метаморфозы бытия Алексея Селичкина

О времени и звездной судьбе России

Сборник Алексея Селичкина «Век и судьба» можно было назвать несколько иначе, вернее, конкретизировать — *безоглядный век и окаянная судьба*, сразу обозначив эпитетами свое отношение к веку, своему времени, которое выпало на его долю. Но еще вернее это отразило бы отношение самого века к человеку на этой Земле, согласно известной формуле: если долго вглядываться в бездну, то... Но в нашем варианте эта формула звучит так: *если долго всматриваться в Век, то Век начинает всматриваться в вас*. Собственно, это и происходит ныне на нашей Земле — Век, как всеви-

дышее око, неотступно следит за человеком (уже в самом смысле), за тем, что с ним происходит, за его передвижениями, делами, поступками, речами, связями с другими людьми. И даже за движениями его души... Таков он, этот Век — катастрофа и размена, окаянства и бед, в котором «встали вороги на пьедестал» [3, с. 94].

Обратим внимание на названия стихотворений сборника: «Задворки», «Здесь прежде...», «Забытые края», «Погибшему городу», «Век безоглядный», «Катастрофа», «Время размена», «Окайные дни» и т. д.

В этом смысле следует обратить внимание на эпитеты, которыми наделяет поэт само время и временные отрезки.

Время — *невозвратное, вероломное, «время размена»*. Годы — *почтенные*. День — *вчерашний, истлевший, пропавший, минувший, плутовавший, потерянный*; а если этот день сегодняшний, настоящий, то он обязательно *бедовый, бесовский, окайный* (аллюзия к И. А. Бунину), *лукавый, шальной, безоглядный, пьяный* и даже «*в либеральной оправе*».

И хотя «менялись эпохи и судьбы», но в его временной системе координат век чаще всего бывал *стылым*, это, пожалуй, самая яркая и самая часто встречающаяся характеристика XXI века по Алексею Селичкину. Этот эпитет по отношению к веку встречаем мы в стихотворениях: «Казенный дом. Палата в два окна...», «Не считал я потерянных дней...» и др.

Иногда характеристика времени столь резка и беспощадно правдива, что невольное становится страшно за судьбу русской деревни и страны, кажется, поэт и сам временами испытывает не только боль, но и растерянность и даже отчаяние, как например, в этих строках:

*Ни села, ни высокой околицы.
Потравили невзгоды народ.
Где вы, молодцы, добрые молодцы,
светло-русый, надежный оплот?! [3, с. 94].*

В стихотворении «Я за спиной оставлю автостраду...» эта мысль выражена еще более ярко:

*Кругом трава. Кругом кусты, деревья.
И горько мне, что в этой стороне
страной и мной забытая деревня
сгорела в перестроечном огне [3, с. 103].*

И перед читателем встает вечно волнующий и насущный вопрос: что же делать, как быть и как выходить из этого страшного положения? Но поэт как будто только добавляет этой горечи:

*Россия! Горечь дней бедовых
все ощутимей, все острей...
Не дай-то Бог кровавых, новых
бесовских дней стране моей... [3, с. 22].*

Конечно, подобные строки диктует поэту его беспокойное, совестливое гражданское чувство, мы это хорошо понимаем, но вместе с тем это не дает читателю ни успокоения, ни отрады и не указывает ему какой-либо вектор движения. Безусловно, поэт — не учитель, он не призван давать ответы на насущные вопросы современности, он только поднимает острые темы, обозначает их всем своим творчеством. Но

читатель этого не хочет знать, он ждет от поэта хотя бы совета. И потому — как же все-таки быть? «Давай зажжем лампадки огонек. / Пусть от него светлее станет Богу», — с лирической грустью произносит поэт, но лирическая грусть хороша в нежной лирической ситуации, а не тогда, когда на карту поставлена судьба Отечества.

Есть ли вообще надежда, что никакие демократические реформы и самые смелые преобразования не уничтожат страну, что вместе с водой не выплеснут ребенка? «Надежды фитилек» у поэта теплится (мы уже говорили об этом), в разных стихотворениях эта мысль проходит красной нитью: «Нам еще журавлей ожидать» [3, с. 10]; «Злодейское, постыдное засилье / мы пересилим...» [3, с. 65]; «Мы из силков этих выскользнем» [3, с. 107]. В стихотворении «Политический бал» эта надежда звучит еще более определенно, поэт уверен: «Безутешно молчим. / Мы глазами столько впитали... / Догорит / либеральной эпохи костер. / Господа-упыри / разорили страну и народ обокрали. / Разговор предстоит, / не простой разговор» [3, с. 67].

Мысль эта выражена и в стихотворении с «говорящим» названием «Расплата»: «Время, время грядет, лицемерные, / за разбойный платить беспредел» [3, с. 91]. Он верит, что его «разобщенная» страна опомнится, и все вернется — традиции, нравы, стабильность, ценности, а самое главное — согласие и лад между людьми. Не случайно он пишет стихотворение «Возвращение»:

*Спешили, чтобы обладать,
богатством руки согреть,
зреть с пьедестала.*

*Когда ж сказали про погост,
она вдруг встала во весь рост
и — воссияла [3, с. 93].*

Стало быть, согласно Алексею Селичкину, страна не просто вернется к своему величию, она — «воссияет», и это будет не простое движение назад, вспять, а возвращение на новом уровне галактической, вселенской спирали ее вечного поступательного развития. Конечно, великое дело — сами люди, как заметил поэт, «нашей русской земле на людей повезло». Это действительно так, ведь великий русский народ доказал это всей громадностью прошедшей истории, всем своим героическим прошлым, всеми доблестными победами, а главное — умением собираться в минуты опасности.

Характер лирики — это характер самого поэта, это его душа, что «распахнута» миру. А когда душа распахнута, она «крылата. / Ей разве может кто повелевать?» [3, с. 24]. Алексей Селичкин — это безоглядно бескорыстная великорусская душа, и его характер как в капле воды отражает всеобщий национальный характер русского человека. Его Россия — такая же щедрая, великодушная, победоносно крылатая и, как говорил когда-то П. Я. Вяземский, «словно вечность на земле». Вот и А. П. Селичкин уверен:

*Знаю я, России руки
распростерты до сих пор... [3, с. 14].*

Все-таки есть у России пока непонятная миру звездная миссия, когда-нибудь мы все обязательно это поймем, а пока это чувствуют лишь поэты.